

T. LING, *The Buddha. Buddhist Civilization in India and Ceylon*, Temple Smith, L., 1973, 287 стр.

Книга профессора Манчестерского университета Тревора Линга, известного своими исследованиями по истории религии (его докторская диссертация посвящена социологическому аспекту символики зла в буддизме), опубликована в недавно основанной серии «Makers of New Worlds». Цель этой серии, по словам издателя, показать, как выдающаяся личность и ее учение вызывают к жизни новые культурные традиции, преобразуя мир и создавая в ходе исторического процесса новую культуру и цивилизацию. Подобный замысел, во многом соответствующий направлению научных интересов Т. Линга, и определил характер его труда — очерк жизни и учения Будды служит здесь отправной точкой для анализа дальнейших судеб индийской и некоторых других культур, воспринявших буддизм и трансформировавшихся под его влиянием.

Автор начинает с достаточно подробного рассмотрения предпосылок (общеметодологических, историко-социальных, идеологических) исследования. В первой части («Перспективы», стр. 15—34) он вслед за рядом других исследователей указывает на отличие раннего буддизма от других известных нам религий. При этом, ссылаясь (вслед за Э. Дюркгеймом) на «чувство священного» (sense of the Sacred) как на существенный признак религии, он склонен считать религией и буддизм (тем более в отдельных более поздних его проявлениях). В этой связи заслуживают внимания соображения Т. Линга о религиях как сложных структурных образованиях (complex structures), которые в определенных исторические периоды охватывают широкий круг аспектов жизни общества (психологический, социальный и др.) и могут быть соответственно определены как «буддийская цивилизация», «исламская цивилизация» и т. д. В этом смысле современное, значительно более узкое, употребление понятия «религия» может толковаться, по его мнению, как «свернутая цивилизация» (reduced civilization — ср. стр. 17, 26 сл.). Изучение буддийской цивилизации, выросшей из первоначального учения Будды и реализовавшейся в отдельных государственных образованиях, и составляет — в достаточно широком социальном аспекте — основную задачу автора книги (стр. 19 сл., 34).

Во второй части («Северная Индия в VI в. до н. э.», стр. 37—83) Т. Линг дает очерк природных условий и социально-экономических отношений в долине Ганга времен зарождения буддизма. Отмечаются характерные процессы указанного периода — развитие торговли и ремесел, дифференциация профессий, рост крупных городов (например, Шравасти, Раджагриха), упадок республик, усиление монархической власти (например, в Магадхе). Эти обстоятельства, в частности процесс урбанизации, способствовали, по мнению автора, настроениям индивидуализма, социальной уязвимости и отсюда — духовным поискам, сыгравшим немалую роль в появлении буддизма. Снова подчеркивая сужение понятия «религия» в нынешнем его словоупотреблении (стр. 64), Т. Линг останавливается на современных раннему буддизму религиозных и этико-философских течениях — ортодоксальном брахманизме, народных суевериях, воззрениях адживаков, джайнов и т. д., на отдельных чертах сходства и различия между ними (ссылаясь, в частности, на труды А. Уордера). В качестве источника автор (местами предвосхищая последующее изложение буддийской догматики) использует здесь материал палийского канона, прежде всего сутт Дигха никаи.

Третья часть посвящена личности, учению и общине Будды (стр. 87—147). Исследователь не подвергает сомнению историчность Будды (стр. 88) и рассматривает его жизнь, выделяя в ней четыре этапа, наиболее важных для догматики и истории буддизма, — уход Будды из дома, его просветление, проповедническую деятельность и смерть. В этой связи приведены сведения о племени сакьев, анализируются отдельные понятия (dukkha, nibbāna), характеризуется проповедь Будды, напоминающая, согласно Т. Лингу, современные семинарские занятия (academic seminar or tutorial — стр. 98). Буддизм — продукт городской культуры, его учение, определяемое как «психо-социальная философия», как «теория существования» (existence — стр. 116), внесло в индийскую духовную жизнь новый, рационалистический подход; оно

вполне «секулярно» в нашем понимании этого слова, но включает в себя то «ощущение священного», в котором автор, как уже говорилось, видит существенный признак религии. Как и многие его предшественники, Т. Линг отмечает терапевтический характер буддизма, выделяя здесь две составные части: диагноз (т. е. страдание) и излечение (стр. 120). Автор полагает, что основной целью буддийского учения было создание неиндивидуалистического общества и что на это обстоятельство до сих пор не обращалось достаточного внимания (стр. 124). С этой позиции он характеризует буддийскую монашескую общину *сангху*, следуя К. Джаясвалу и Г. Де, видит в ней аналог *сангхам* древнеиндийских республик и говорит о ее демократическом характере (стр. 128 сл.). Приспосабливаясь к политической реальности того времени (т. е. к монархической власти — см. выше), буддизм, как об этом свидетельствует ряд канонических текстов, стремился определенным образом влиять на нее в области социальной и экономической политики (ср., например, Кутаданта и Чаккаватти-сиханада сутты Дигхникаи). В этой связи неслучайным представляется сближение в суттах того же сборника (например, в Махапариниббана сутте) образа Будды с образом царя-властителя мира (*sakravartin*). Согласно теории Т. Линга, буддийская цивилизация проявлялась во взаимодействии трех факторов — царя, *сангхи* и народа (*people*).

Этим проявлениям посвящена последняя и наиболее обширная четвертая часть книги («Буддийская цивилизация на практике», стр. 151—229). Здесь последовательно изложена краткая история буддийского государства Ашоки в III в. до н. э. и более позднего — на Цейлоне, возникшего в значительной степени под влиянием из Индии, а также последующие — вплоть до нового времени — судьбы буддийской цивилизации в Индии и на Цейлоне (т. е. по преимуществу буддизма *тхеравадиннов*). Наряду с чисто политическими экскурсами Т. Линг останавливается здесь и на примечательных чертах развития буддизма — эволюции в направлении религиозного культа (роль ступ, реликвий), влиянии бхагаватизма, контаминации с местными верованиями (в частности, на Цейлоне, где подобный сплав в значительной степени определяет облик современного буддизма). Пристальное внимание уделено экономическим факторам жизни общины — дарениям царя и мирян, служившим основным источником существования *сангхи*, монастырскому землевладению. Говоря о причинах упадка общины (стр. 196 сл., 205 сл.), он указывает на ухудшение экономических и политических условий (в частности, сокращение дарений монастырям в результате мусульманского нашествия в Индию, политических междоусобиц и португальской колонизации на Цейлоне; противодействие брахманства, видевшего в *сангхе* соперника своему политическому влиянию), а также и на другие обстоятельства — развращающее влияние богатства в отдельных монастырях, идеологическое ослабление общины в результате развития махаянистских течений, во многом сблизившихся с этико-религиозными традициями брахманизма и все меньше противостоящих последнему.

Значение социально-политических и экономических факторов вновь подчеркнуто в эпилоге («За нынешними горизонтами», стр. 230—243), где, в частности, даются отдельные сведения о буддизме за пределами Юго-Восточной Азии, т. е. буддизме махаяны, а также проводится параллель между идеями буддизма и рядом государственных установлений современной Индии (религиозная терпимость, отношение к кастам и т. д.).

Книгу завершают примечания (стр. 247—268; некоторые наблюдения имеют здесь самостоятельный интерес, например над соотношением *упанишад* с брахманской традицией — стр. 252; над содержанием надписей Ашоки — стр. 260—261), список сокращений (стр. 269), перечень цитированных работ (стр. 270—273), индекс (стр. 275—287).

Преимущественное внимание Т. Линг уделяет социально-политическим аспектам истории буддизма. Представляется, что в отдельных частях изложение (учитывая общий объем книги) даже чрезмерно перегружено экскурсами в политику. Меньше внимания (что, впрочем, входило, по-видимому, в намерения автора) посвящено этико-философской проблематике, в частности махаянистской. Местами несколько преувеличены на наш взгляд, «неиндивидуалистичность», «коллективизм» буддизма. Если

говорить не о формах историко-политического существования буддизма, в которых он (тем более в качестве государственной религии) не мог не существовать вне конкретных социальных норм и институтов, а о его этико-практической направленности, то определения эти, как нам кажется, следует применять с большой осторожностью. Достаточно иметь в виду связанные с достижением буддийского этического идеала тенденции ухода от мира и преодоления чувственных привязанностей, предписания определенной дисциплины внутреннего состояния, в избытке наполняющие каноническую литературу. Известные формы коллективизма служат здесь не более как средством на пути к цели, а терапия травм индивидуализма (если следовать терминологии автора) отнюдь не становится равнозначной «антииндивидуализму». Заметим, кстати, что теория отсутствия «я» (anatta — ср. стр. 141 сл.) затрагивает, по нашему мнению, совершенно иную сферу «буддийской цивилизации» и вряд ли может серьезно подкрепить точку зрения автора.

Как мы видим, отдельные положения Т. Линга представляются достаточно дискуссионными. Обстоятельство это, однако, отнюдь не мешает положительно оценить его книгу. В качестве очерка буддизма, прежде всего в социально-историческом аспекте, рецензируемый труд, изобилующий рядом интересных наблюдений, несомненно, заслуживает внимания как специалистов, так и более широкого круга читателей.

А. Я. Сыркин.